

26.3.02

Россия. - 2002 - 26 марта. - с. 20 - 21

Так началась беседа об успехе автора народного фильма о Москве и слезах Владимира Меньшова с нашим корреспондентом.

Хочешь анекдот про «киноклассика»? Водила нас с Кареном Шахназаровым по студии в Сан-Франциско такая... очень вежливая, но равнодушная дама: приехали из России какие-то режиссеры... В библиотеке показывает книжку: «Здесь собраны сведения обо всех лауреатах «Оскара». А Спилберга в этой книжке еще не было... Взял я эту книжку, полистал, нашел себя, показываю... Дама эта от неожиданности чуть не упала.

Да, за мной много долгов и всяческого неисполненного, но если по счету перед Богом, то могу все-таки признать, что есть картина, которой имею право гордиться. Лебединая ли это песня или вершина, только и в Штатах, и в Японии меня до сих пор представляют как режиссера, снявшего фильм «Москва слезам не верит». И знаю: для ровесников моих она существует как портрет поколения, эпохи... А для детей наших — как образ: а, вот вы какими были, оказывается, когда начинали! А такими — уже в годы расцвета... Так что сожалеть о какой-то не случившейся собственной жизни просто не имею права. И сегодня абсолютно уверен: все мечты сбываются! Только иной раз с большим опозданием. Ты и решил, что уже ну ничего не получится, а как раз тут-то все и случается. Сегодня я даже как актер в антрепризах востребован!

Меньшов Владимир

Не красавец, хоть и с медалью

Как со мной сейчас разговаривать? Безусловно, только как с режиссером! Актерство для меня — всего лишь для «прожиточного минимума» — чтобы не чувствовать себя выключенным из процесса. Хотя смотрю иной раз картины, в которых снялся: «А неплохо, черт возьми, вот тут артист Меньшов работает!»

Вообще-то когда я — господа, ведь тому почти полвека скоро! — домогался у судьбы права быть причастным к искусству, во ВГИК поехал поступать именно на артиста учиться: кто его знает, с чего решил?! Я ведь киноман был сумасшедший. И открытки артистов собирал, по пять раз фильмы с Юматовым и Рыбниковым смотрел! Они не были красавцами — была в них бездна обаяния, я их обожал просто. И думал: я ведь тоже не красавец, но смогу, наверное, как они, роли социальные — шоферов всяких, сталеваров — играть. А красавцем у нас в Астрахани был Эммануил Виторган — его в спектаклях Дома пионеров весь город ходил смотреть. Как он там какого-то Цветка-василька играл!

Для меня слово «кино» с детства волшебным было! И поехал я с золотой медалью из семьи военного в Москву: все уверены были, что в МГУ, а я — во ВГИК. Приехал и два дня мимо здания института ходил — боялся порог этого «храма» переступить. А когда переступил, выяснилось, что к экзаменам я категорически не готов, четыре раза срезался.

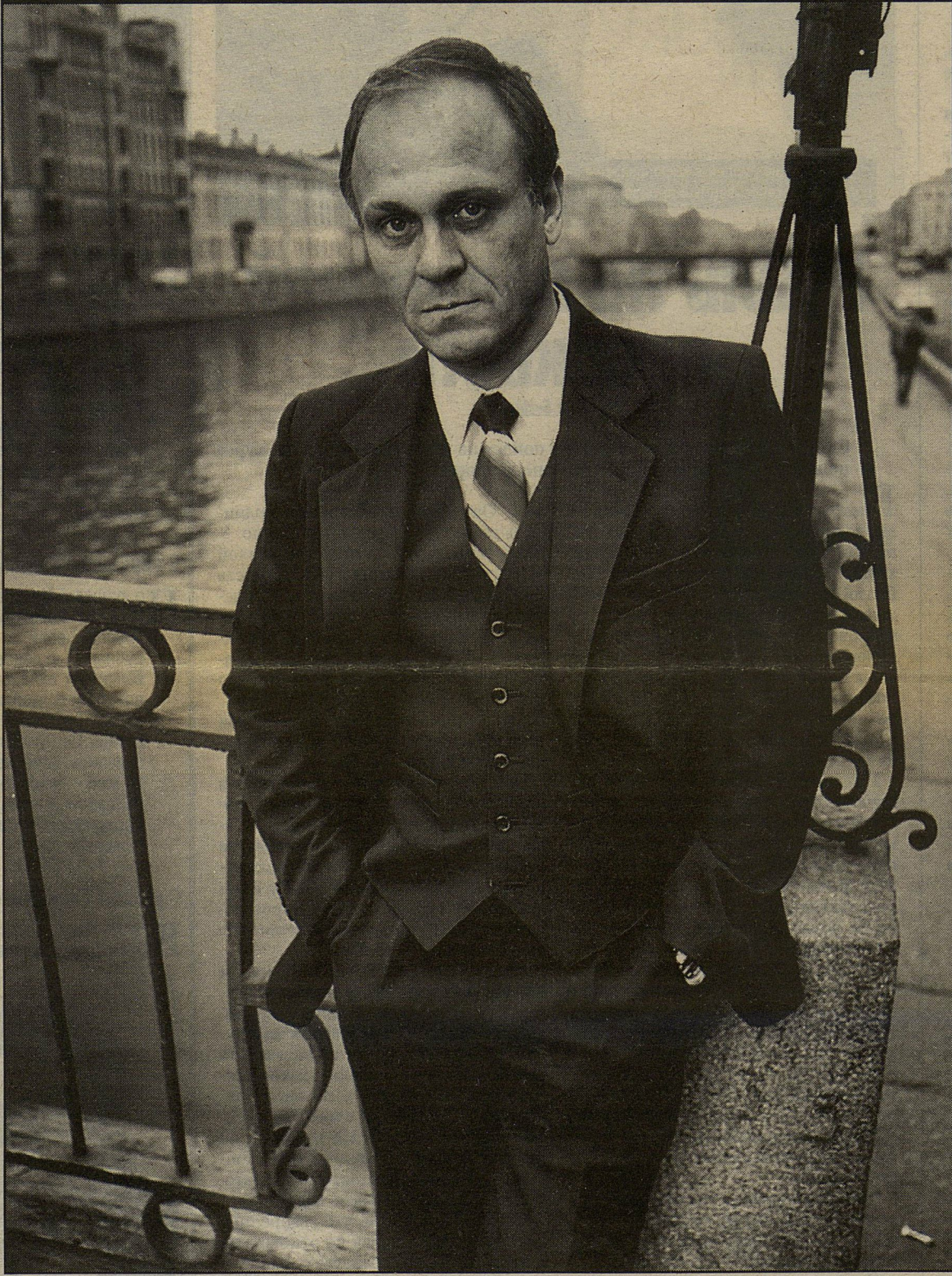
Между поступлениями в шахте работал, водолазом, в Воркуте на телевидении — было желание занять себе биографию... В армию просился, но у меня плоскостопие какое-то оказалось.

Иной раз в ужасе думал: господа, друзья уже второй, третий курс заканчивают, и не двадцать уже, а я — нигде! Годы уходят... В театральную массовку устраивался, дневники вел, впечатления записывал, жизнь осмысливал. В конце концов поступил в Школу-студию МХАТ — по недоразумению, наверное. Четвертый раз когда ехал поступать, был уже на грани нервного срыва: если не поступлю, решил покончить с собой! Я уже точно знал, что ничего иного я в этой жизни не хо-

Везунчик Меньшов, или Как становятся киноклассиками

Геннадий Сухин

Вообще-то классиков и их произведения словари трактуют как нечто бесподобное и совершенное, почти безгрешное. Наш герой — народный артист, лауреат, худрук, член всяческих комиссий и коллегий, педагог — по поводу безгрешности категоричен: «Никто пока еще не вычислил, что определяет человеческую судьбу. Кажется, Маршак сказал: «Наше дело — разложить костер. А уж ударит в него молния или нет... Главное — костер должен быть разложен». И я всю жизнь старался раскладывать свой собственный костер»

ВАЛЕРИЙ ПОЛИТНИКОВ

чу и делать не смогу, именно здесь мне все время интересно!

Но поступление именно в Школу-студию МХАТ как раз и стало моей первой жизненной удачей.

Трудные лицеисты

Как водится, абитуриенты веером во все актерские вузы заявления разносят: ВГИК, Щукинское, Щепкинское, МХАТ... Но я в Щепкинском почему-то даже прослушиваний не проходил. И настолько я был зол на это Щепкинское, что, уже будучи принятым в Школу-студию МХАТ, пошел туда на консультацию, не пропустили. Не то чтобы на каком-то туре засыпался, дальше консультаций не пустили!

Школа-студия МХАТ в те годы была очень серьезным учебным заведением — такой лицей в центре Москвы, педагоги высочайшего класса, Солженицын приходил (мы

рассказы его ставить пытались), Синявский Андрей Донатович с нами разговоры разговаривал.

Курс наш трудный и талантливый, наверное, потому и грызлись много. Андрей Мягков, Ира Мирошниченко, Ася Вознесенская, Вера Быкова, которая потом Аленовой стала (своего отца она практически не знала), взяла мамину фамилию... Я на курсе (по способностям) был почти последним. Если мне роль давали, я в библиотеку залезал, читал Станиславского, а потом монологи внутренние все сочинял. В итоге выходил на площадку невероятно зажатый, перепуганный. Однокашников всех по театрам — в «Современник», во МХАТ — разобрали, а меня никто не хотел брать.

Из характеристики Школы-студии МХАТ на будущего оscarоносца:

«...за время учебы Меньшов показал себя дисциплинированным, культурным, политиче-

ски грамотным, морально устойчивым студентом, проявил хорошие профессиональные способности с склонностями к режиссерской работе, что отмечалось педагогами курса и кафедрой мастерства актера... По окончании Школы-студии комиссией по распределению тов. Меньшов В.В. направлен в Ставропольский краевой драматический театр».

В общежитии жил я с ребятами из Ленинграда: о-о-о, это такая для меня школа оказалась. Они Окуджаву пели, разговоры умные вели, стихи сами писали... И постоянно надо мной насмехались. Тем не менее в обучение я к ним пошел и за многое им невероятно благодарен.

Нутром в режиссуре

К худшему все так повернулось или к лучшему, только к окончанию учебы в Школе-студии моя актерская «душевная гармония» окончательно рухнула. Смотрел я на сцене любимого «Современни-

ка», например, любимого своего Табакова и... нет, не завидовал — я уже понимал, что воспринимаю происходящее на сцене не как зритель, а как режиссер: вот тут я бы так «развел» действие, тут — вот это бы сделал...

В театрах я смотрел все подряд; тогда много зарубежных театров в Москву приезжало, репертуар «Современника» и Эфроса наизусть знал! Как раз в это время прочел я книгу Ромма «Беседы о кино», позвонил ему: «Хочу у вас учиться!». Встретились. «Вы мне симпатичны, но приносите работы на следующий год, будут интересные, я вас возьму». С тем я и уехав в Ставрополь...

Из характеристики Ставропольского драматического театра имени М. Лермонтова:

«...за год работы в театре Меньшов В.В. сыграл роли, которые показали его одаренным актером широкого диапазона, органичным, убедительным, обладающим взыскательным художественным вкусом, умением проникнуть во внутренний мир образа. Хорошая школа, чувство меры, заразительность и правильные психологические разработки отличали актерские работы Меньшова...»

Особо следует отметить режиссерские пробы Меньшова. Обладая эрудицией, высокой культурой, любознательностью, умением мыслить образно и оригинально, организаторским даром и исключительной добросовестностью, Владимир Меньшов отлично зарекомендовал себя в качестве ассистента режиссера при постановке спектакля «Шестое июля» и режиссера — при постановке спектакля «Белоснежка и семь гномов».

Михаил Ильич Ромм в судьбе моей занимает совершенно особое место. Он для меня — образец человеческих и профессиональных качеств. Став моим научным руководителем формально (я числился аспирантом кафедры режиссуры ВГИКа), он практически взял к себе на курс еще одного студента. Конечно, он пошутил, сказав: «Я вас взял, чтобы повысить интеллектуальный уровень курса», но я благодарен ему за то, что он читал мои сценарии, что успел посмотреть «Счастливого Кукушкина» — дипломную работу моего однокурсника, в которой как раз тридцать лет назад мы с Ларисой Удовиченко себя миру «явили».

Посмотрев моего Пашу Кукушкина, он сказал тогда то, что мне до сих пор не удается в жизнь претворить: «Тебе надо играть интеллигентом...» После смерти Ромма большую роль в моей кинематографической судьбе сыграли замечательные наши сценаристы Думский и Фрид — во всяком случае, они меня поддержали, когда я сиротливо обивал пороги киностудий...

Илья Думский и Валерий Фрид — из рекомендации в Союз кинематографистов СССР:

«...горячо рекомендуем человека, за судьбой которого с интересом следим уже несколько лет. Прием его в Союз кинематографистов осуществляется актерской секцией, почему же рекомендательное письмо подписывают сценаристы? Дело в том, что Владимир Меньшов — явление неоднозначное и незаурядное: он наделен ярким актерским талантом, он режиссер, он прекрасно пишет, так что авторское кино, которое в мировом кино занимает почетное место, получает в его лице хорошее пополнение».

Большой путь

Поступив в мастерскую Ромма, я всячески избегал актерской работы, но так получилось, что после «Счастливого Кукушкина» на меня вдруг возник спрос у режиссеров: фильмы с главными ролями подряд пошли, за исполнение роли Семена Боброва в «Человеке на своем месте» первую премию Всесоюзного кинофестиваля получил... И до сих пор очень люблю своего Клима Авиллова из «Последней встречи» — в нем многое от отца моего... К нему друзья советоваться приходили, он у родственников авторитетом пользовался... Так вот и приняли меня в Союз кинематографии

стов как актёра. Но я-то себя видел режиссером!

Так уж складывается, что снимаю я нечасто, и как при этом можно делать какой-то «проходной» фильм?! Каждый из пяти моих фильмов для меня – абсолютная ответственность за собственный поступок. Хотя иногда и возникает странное ощущение: вот, этот сделаю, а уж потом – главный! В котором все-все-все, что про жизнь знаю, расскажу...

О любимом

Самый мой любимый – «Любовь и голуби»: он как-то так легко... пропелся, что ли. За «Розыгрыш» в свое время брался со страхом. Не готов был к разговору о молодежи. Возраст подходил к сорока, и оттягивать дальше было просто опасно.

Пока работал, был поглощен производственными проблемами первой картины и ни о каком «сверхуспехе» не помышлял: просто хотел сделать нескучную и неназидательную картину. А после шквала писем понял, что кино можно делать о ком и о чем угодно, только было бы в нем исследование души...

Итак, Ромм, Школа-студия... удачи это, везение или судьба – не знаю, но что самым крупным моим везением в жизни стала Вера, в этом ни грамма не сомневаюсь! Весь курс... Да вся студия в ослепшем недоумении была, когда мы поженились: «Она себе смертельно портит карьеру». Со мной тогдашним ее внешность, ее данные ну никак не соотносились – страшный я был, худой... Во ВГИКе я уже вполне ничего был, это она меня к тому времени откормила – заставляла пивные дрожжи пить...

За сорок-то почти лет нашей жизни было, конечно, всякое... Расходились даже! Не развелись – надо было отдохнуть друг от друга. Но сегодня могу заявить: мы нашли друг друга. По большому счету мы взаимно друг друга очень дополняем. Ей ведь для гармонии тоже не хватало чего-то... сермяжного, простонародного.

Для тех, кто биографии ее не знает, она представляется эдакой воспитанницей Смольного института, хотя росла в нищете куда большей, чем я. Лет до пятнадцати для нее конфеты в радость были. А в дни нашей дружбы я в глазах окружающих даже некую таинственность приобрел – черт его знает, может, что-то в нем и в самом деле есть, если такая женщина на него глаз положила.

Но и сегодня я уверен: не учись мы на одном курсе, мужем и женой никогда бы не стали.

Между прочим, впервые девчонок своих я снял еще в курсовой своей вгиковской, которая называлась «К вопросу о диалектике восприятия искусства, или

Утраченные грезы». Денег не было, актеров не было, но за «микрометражку» эту мне и сейчас не стыдно – снял я спектакль Театра имени Пушкина «Аленький цветочек», в котором Вера Аленушку играла, а Юлька была такой восторженно-скептической зрительницей. Ей года три было... Да я чуть с ума не сходил, если при монтаже кадрик какой терял.

О чем жалею

О многом. И прежде всего – что трудолюбия не выдающегося.

Я не из тех, чей принцип – «ни дня без строчки». И частенько думаю: боже мой, сколько минут-часов-дней в пустой болтовне бездарно потеряно, сколько водки бездарно выпито. И не потому, что она – водка, а что выпита с неинтересными людьми. Слава Богу, что есть у меня такие оправдания, как фильмы, которые не критикам нужны, а прежде всего зрителям. В них – оправдания всем моим «сожалениям».

И о политике

А я «ударялся» уже в политику. И довольно больно: приглашали меня в «Гражданский союз», руководимый Аркадием Ивановичем Вольским, но «Союз» в Думу не прошел, и я, естественно, не стал депутатом... Чему неоднократно порадовался. Но приобрел немало интересных знакомств, понюхал политическое «закулисье»... Это куда интереснее закулисья театрального. И уж больно непохоже на то, что мы видим на трибунах... В общем, «сходил» я в политику с удовольствием, но твердо убедился: делать там человеку творческому нечего! А по поводу «политики» киношной? Меня даже на съезды иной раз не избирают, не говоря уж о «политбюро» всяческих...

Что дальше?

Насколько это удастся, разумеется! Хочу оставаться верным самому себе. Доверять внутреннему голосу, который пока меня не обманывал. Жизнь моя как бы идет по вполне определенному руслу, но я знаю и уверен: ни от чего, ни от какого поворота судьбы зарекаться нельзя. Жизнь меня научила не бить себя в грудь и не клясться: уж со мною-то такого быть не может. Человек я абсолютно неверующий и не буду, чего уж там, восклицать: все дано свыше, от Бога... Но вот гороскопам абсолютно никаким не верю.

P.S. Это был монолог везунчика Меньшова. Под занавес еще одна цитата. Поступая в мастерскую Михаила Ромма, Меньшов сформулировал задачу кинорежиссера: «Суметь найти свой путь в искусстве и на нем удержаться».

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ